

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Братья Гордеевы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Братья Гордеевы

«Public Domain»

1897

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Братья Гордеевы / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1897

Писатель использовал в повести подлинный исторический факт, имевший место в первой половине прошлого века. В «Краткой летописи Нижнего Тагила», под рубрикой: «1821–1825 гг.», имеется следующая запись: «По приказу Николая Никитича Демидова из заводских школ выбраны самые способные ученики и отправлены за границу для обучения в разных специальных учебных заведениях. Во Франции обучались: Фотей Ильич Швецов, Николай Андреевич Рябов (горное дело); в Германии – Федор Филиппович Звездин (бронзовое и чугунное литье), Иван Яковлевич Никерин и Иван Андреевич Шмарин; в Швеции – Григорий Ильич Швецов (горная часть), Федор Петрович Шорин (тоже) и Александр Петрович Ерофеев (тоже); в Англии – Павел Петрович Мокеев и Ефим Александрович Черепанов и др.».

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

I	5
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Братья Гордеевы

I

Федот Якимыч поднимался утром очень рано и в шесть часов уже выходил на крыльцо, как всегда делал летом. Казак Мишка вперед вытаскивал окладной стул, расстилал под ноги маленький бухарский коврик, и Федот Якимыч усаживался с обычной важностью. Сегодня он был важен и все время разглаживал свою седую окладистую бороду, что не обещало ничего доброго. Крыльцо летом заменяло приемную, и ожидавшие появления Федота Якимыча просители терпеливо толклись где-нибудь во дворе или у ворот. Собственно двор приказчиьего дома походил скорее на большую залу: кругом сплошную деревянную стеной шли разные хозяйственные пристройки, пол был выстлан аршинными досками и гладко выструган; чистота везде поразительная. Открытые настежь ворота давали возможность видеть с улицы все, что делалось во дворе, и наоборот. Сегодня кучка любопытных толпилась у ворот задолго до появления Федота Якимыча, о чем-то шепталась, переглядывалась и вопросительно озиралась на улицу. Очевидно, кого-то поджидали. Летний день занялся таким ярким светом, что глядеть было больно. Солнце только не заглядывало под навес крыльца, где сидел сам Федот Якимыч на своем раздвижном стульчике. Он уже несколько раз озабоченно поглядел на улицу и поморщился, что заставило казака Мишку съежиться, – быть грозе.

– Шесть часов отбило на пожарной? – тихо спросил старик, не обращаясь, собственно, ни к кому.

– Часы отданы, Федот Якимыч! – почтительно доложил Мишка и, как заяц на угонках, глянул боком на улицу.

Федот Якимыч молча погладил свою окладистую седую бороду и еще раз свел брови. Это был типичный старик, какие цветут наперекор природе какою-то старческой красотой. Широкое русское лицо так и дышало силой – розовое, свежее, благообразное. Особенно хорошо было это лицо, когда Федот Якимыч улыбался своею задумчивою, почти грустною улыбкою, что случалось с ним очень редко. Длиннополый сюртук, сапоги бутылками, ситцевая розовая рубашка с косым воротом – все шло к степенной фигуре степенного и важного старика. В особенно трудных случаях он надевал большие круглые очки в серебряной оправе и доставал серебряную табакерку, завернутую в красный шелковый платок. Он мельком взглянул на почтительно затихшую при его появлении толпу и сразу увидел всех: особенно нужных людей не было. С опущенными головами стояли провинившиеся рабочие, ожидавшие строгой кары, две-три бабенки старались пролезть вперед, – наверное, пришли просить о чем-нибудь; понуро стоял высокий мужик в картузе.

– Ты, Карпушка, погоди, – обратился Федот Якимыч. – С тобой у нас будет свой разговор...

Карпушка только снял картуз и поклонился. И наружностью и манерой себя держать он резко выделялся среди других просителей. Избитые, мозолистые и почерневшие от слесарной работы руки служили вывеской его занятий. Казак Мишка несколько раз говорящим взглядом окидывал Карпушку и даже закрывал рот рукой, точно хотел удержать просившееся с языка словечко. Карпушка хмурился и сосредоточенно старался смотреть в другую сторону.

Прошло пять минут томительного ожидания, а Федот Якимыч не шевелился, точно застыл. Только перебиравшие красный платок пальцы говорили, что он не спит, а все видит и слышит. Федот Якимыч все видел и все слышал, как был уверен весь Землянский завод. Он только слепка вскидывал глазами, когда по улице лихо прокатывалась двухколесная руднико-

вая таратайка или тяжело проезжала телега, нагруженная дровами. Все, кто шел или ехал мимо господского дома, снимали шайки, а бабы по-утиному кивали головами и на всякий случай старались пройти опасное место поскорее. Из господского дома шли гроза и милость на весь завод. Робкие люди обходили грозный господский дом другою улицею.

Прошло еще четверть часа. Федот Якимыч распахнул свой сюртук, достал из пестрого бархатного жилета большие серебряные часы луковицей, посмотрел и только поднял седые брови. Он только что хотел подняться с места, чтоб идти в горницы, как на улице задребезжала тележка и смело подкатила прямо к воротам господского дома. Из нее выскочили два молодых человека, одетых совсем необычно для Землянского завода. Один, высокий, белокурый, с выбритым лицом и длинными баками на английский манер, одет был в длинную камлотовую шинель с крагеном и в цилиндр с широкими полями; другой, такой же ростом, с русою бородою и золотыми очками на носу, в драповое пальто «французского покроя» и в лаковые сапоги с желтыми отворотами. Не нужно было особенной проницательности, чтобы узнать в приехавших двух братьев, – старшему, высокому, было под тридцать, а младшему – лет двадцать пять.

– Ждать заставляете! – резко заметил Федот Якимыч, поднося свою луковицу прямо к носу старшему брату. Руки он им не подал, что заметно смутило младшего брата. – Да, ждать... Порядков не знаете.

Старший брат молча достал свои золотые часы и молча поднес их тоже прямо к носу Федота Якимыча. Близорукие большие глаза были защищены золотыми очками.

– Да ты что мне своими часами в нос тычешь? – уж закричал старик, вскакивая.

– Вы назначили нам явиться ровно в шесть часов, – спокойно объяснил смелый молодой человек, пряча часы в карман, – а сейчас роено шесть часов.

– Врешь ты все, полчаса седьмого прошло.

– Неправда... У вас утром часы бьют на полчаса раньше, а вечером на полчаса позже...

– А, ты мне указывать! – загремел старик и весь побагровел, но сейчас же одержал себя и только махнул рукой. – У нас часы по-своему ходят, а не по-вашему, заграничному.

Заводские часы отбивались неправильно, чтобы выгадать лишний рабочий час, и молодой человек только улыбнулся. Он сразу попал в самое больное место всесильному владыке.

– Ведь ваша фамилия Гордеевы... – в раздумье заговорил Федот Якимыч, точно стараясь что-то припомнить. – Да... И отца вашего покойного знавал. Как же... Еще в свойстве с ним. Долго у немцев загостились... долго... Ума много накопили, нас, дураков, теперь будете учить.

– Брат Леонид десять лет в Швеции прожил, а я двенадцать – в Англии, – с смелою простотою ответил старший, поправляя свои очки.

– Тебя звать-то как?

– Никоном, а по багюшке Зотыч.

– Так... – протянул старик, прищурившись и пожевав губами. – Так я тебе перво-наперво вот что скажу, Никон: не поглянулся ты мне с первого разу. Развязка у тебя не по чину...

– Каков есть...

– Молчать!.. Говори, когда спрашивают, да слушай.

Леонид даже вздрогнул от этого окрика и недоумевающе посмотрел назад, где у ворот боязливо жалась кучка рабочих. Его все смущало: и то, что Федот Якимыч принимает их во дворе, и то, что он не подал им руки, и то, что не пригласил сесть, и то, что он кричит на брата при посторонних. Что же это такое? Он плотно сжал губы и уперся глазами в землю.

Наступила тяжелая пауза. Федот Якимыч разглаживал бороду и жевал губами, а потом резко проговорил:

– Вот што я вам скажу, нехристи: што в шапках-то стоите передо мной, как другие подобные идолы? Не знаете порядков? Я вас выучу! Я вам покажу, как добрые люди на белом свете живут...

Леонид снял свою фуражку, а Никон так и остался в цилиндре, что окончательно взбесило Федота Якимыча. Старик закричал, затопал ногами:

– Я вас в бараний рог согну, нехристи! Вы, поди, и по постным дням скоромное жрете... Обасурманились на чужой стороне вконец. Учить приехали! Я вам покажу свою науку!..

Братья молчали. Никон, закусив губу, смотрел в упор на неистовствовавшего старика.

– Да вы што о себе-то думаете, заморские птицы? – кричал Федот Якимыч, бегая по крыльцу. – Шапки не умеете снять, а туда же, по десяти лет учились... Да у меня первый слесарь больше вас знает... Да... Простой мужик... Он всякое дело обмозгует, а вы хлеб даром ели. Эй, Карпушка, выходи!

Казак Мишка посторонился, давая дорогу Карпушке, который подошел к крыльцу, держа шапку в руках.

– Ну, што, Карпушка, наладил штангу? – спрашивал Федот Якимыч, стараясь говорить ласково. – И действует?

– Действует, Федот Якимыч, в лучшем виде.

– Вот вам у кого учиться надо, – объяснил Федот Якимыч, тыкая пальцем на Карпушку. – Простой мужик, слесарь, а какую штуку удумал... До всего своим умом дошел, а по границам не ездил. На три версты машину поставил... Теперь будем его штангой воду из Медного рудника отливать. Молодец, Карпушка, хвалю!

Федот Якимыч сделал знак казаку Мишке, и тот моментально исчез, точно Федот Якимыч им выстрелил. Через минуту он появился в дверях крыльца с подносом, на котором стояла большая старинная рюмка. Федот Якимыч собственными руками подал рюмку Карпушке, а когда тот выпил, расцеловал его из щеки в щеку.

– Вперед старайся, – говорил он, – а главное, не зазнавайся...

Карпушка неожиданно подавился поданной закуской и принялся усиленно кашлять, что опять рассердило Федота Якимыча, и он сурово махнул Карпушке рукой. Машинально дойдя до ворот, Карпушка оглянулся на грозного владыку, на мгновение остановился, а потом вышел на улицу, попрежнему держа шапку в руках. Вся эта комедия с домашним самоучкой нарочно была подстроена Федотом Якимычем для вящего посрамления заграничных, – штанга была устроена уже полгода, а Карпушка получил благодарность только сегодня.

– Кто там еще есть? – крикнул Федот Якимыч.

Казак Мишка поочередно начал допускать провинившихся рабочих; бедняги чувствовали, что попали в дурную минуту, и не пробовали даже оправдываться. Первым подошел черноволосый и плечистый обжимочный мастер, прогулявший двое суток.

– В Медный рудник подлеца... – коротко решил Федот Якимыч. – Сгною в шахте...

Следующий номер отправлен был в машинную, где должен был получить двести розог. Третий не успел подойти, как Федот Якимыч ударил его прямо по лицу и заревел, как дикий зверь. Просительницы бабенки даже присели и хотели потихоньку улизнуть, но казак Мишка подмигнул им: дескать, ваша бабья часть особенная. Когда мужики были «рассмотрены», ближайшая баба с причитаниями повалилась Федоту Якимычу в ноги. Мужик умер, трое ребят, а коровы нет.

– Ну, ладно, сирота, устроим, – неожиданно мягким тоном проговорил Федот Якимыч, стараясь загладить добрым делом сегодняшней свой грех. – Будешь с молоком... Убирайся.

Следующая баба просила поправить развалившуюся избенку, и Федот Якимыч тут же решил, что поправлять не стоит, а нужно поставить новую избу. У третьей бабы муж был болен, она получила пособие из конторы. Братья Гордеевы продолжали стоять, но Федот Якимыч намеренно не обращал на них никакого внимания. Леонид машинально теребил свою бородку, а Никон упрямо следил за каждым движением владыки. Когда прием кончился, он молча повернулся и, не простившись, пошел к воротам. Эта новая дерзость совсем обескура-

жила Федота Якимыча, так что он даже ничего не мог сказать, а только затряслись губы. Что же это такое?.. Да как он смел? У всех на глазах ушел, а сам ни здорово, ни прости...

– Так вот вы какие?! – обрушился он всем своим негодованием на стоявшего без шапки Леонида. – Я вам покажу!.. А ты што стоишь? Шел бы за братом: одной свиньи мясо.

– Я не знаю... – бормотал Леонид. – За брата я не могу отвечать...

– Молчать! Кто тебя спрашивал? И ты бы тоже ушел, кабы у тебя хвост не был привязан... Ушел бы?.. Знаю, все знаю... Немку свою пожалел? Хорошо, убирайся к черту...

А Никон шел по Медной улице в дальний конец спокойно и с достоинством, не обращая никакого внимания на любопытство встречающихся прохожих, которые смотрели на него, как на зверя, и указывали пальцами. В конце улицы, поровнявшись с кабаком, Никон нос к носу встретился с Карпушкой: самоучка-механик, сильно пошатываясь, выходил из кабака. Узнав Никона, Карпушка остановился, покрутил головой и проговорил заплетавшимся языком:

– Вот те Христос: в первый раз... Никогда и в кабаке не бывал. Эх, жисть!..

Карпушка схватил свой картуз и с ожесточением бросил его оземь.

II

Все время, пока на крыльце происходил утренний прием, в сенях стояла высокая старуха в раскольниковом сарафане. Это была жена Федота Якимыча, Амфея Парфеновна. Она прислушивалась в дверную щель, что делается там, на крыльце, а когда Федот Якимыч затопал ногами на Никона, не утерпела и выглянула, – заграничные ее интересовали. Она их помнила еще детьми и теперь только грустно качала головой, когда Никон «резал» прямо в глаза Федоту Якимычу.

«Этакой бесстрашный! – думала старуха. – Самому-то так и режет... Ах, отчаянный!»

Время от времени дверь из задней горницы отворялась, и неслышными шагами входила круглая, маленькая женщина, объяснявшаяся с Амфеей Парфеновной знаками. Это была немушка Пелагея, игравшая в доме видную роль. Она тоже одета была в косоклиный сарафан из синего изгребного холста с желтой оторочкой на проймах. Взглянув на госпожу своими маленькими серыми глазками, немушка закрывала рот широкою ладонью: она знала в чем дело и успела разглядеть басурманов из своей кухни. Амфея Парфеновна поджимала губы, хмурила густые брови, и немушка так же незаметно исчезала, как появлялась. Это была «верная слуга», воротившая весь дом. На Амфею Парфеновну она просто молилась и по выражению ее глаз угадывала каждую ее мысль.

Когда Федот Якимыч кончил свой утренний прием, Амфея Парфеновна неслышно удалилась в заднюю горницу, где на столе кипел самовар и дымились горячие блины. Старик не любил, чтобы в его дела мешались бабы. Но на этот раз он вошел в заднюю избу веселый и проговорил:

– Ничего, для первого разу достаточно, Феюшка... Носи – не потеряй. Разнес я этих прохвостов во как... Нарродец!..

– Уж очень ты себя-то обеспокоил, Федот Якимыч, – покорно заметила старуха. – Легкое место сказать: горло перекричал. Нестоящие того люди... Обасурманились на чужой стороне вконец...

– А мы их в свою веру повернем... ха-ха!.. Нет, Никашка-то, а? Ловок... И шляпу не снял и ушел не простившись. Идол идиолом...

– Левонид-то поскромнее будет... очестливее.

– Оба хороши, Феюшка... Ну, да и мы не через забор лаптем ши хлебаем. Нет, Никашка-то как строго себя оказал... Ха-ха!.. Туда же, амбицию свою соблюдает... А того не знает, што он у меня весь в руках. Хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю... Все науки произошел, а начальства не понимает. Ну, да умыкают бурку крутые горки... Я Никашку по первому делу в Медную горку пошлю... Пусть отведаст, каково сладко с Федотом Якимычем тягаться.

– Молод еще... – как бы в оправдание Никона заметила Амфея Парфеновна и сама испугалась собственной смелости. – К слову я молвила, Федот Якимыч, – не бабьего ума дело.

– То-то! – окрикнул жену старик и нахмурился. – Не люблю, штобы курицы петухом пели... Не люблю, вот и весь сказ! Против сердца мне сказала, вот што! Только я отошел было, а ты меня опять подняла. Тьфу!..

– Прости, Федот Якимыч, не от ума сболтнула.

– Дура!

Старик ударил кулаком по столу и молча зашагал по горнице.

Господский дом был устроен по старинке. Собственно, это была громадная изба, разделенная по-крестьянски сенями на переднюю половину и заднюю. В передней половине было всего две комнаты, выходившие на улицу пятью маленькими оконцами. Обстановка здесь устроена по-модному – с кисейными занавесками, мягкой мебелью, коврами, горками с посудой и дешевенькими картинами по стенам. Хозяйева бывали в передней половине только при

гостях, поэтому она носила нежилой, парадный характер. Задняя половина была устроена по старине, и вместо стульев около стен шли широкие лавки, крашенные кубовой синей краской. Передний угол занят был иконостасом с образами старинного раскольничьего письма, медными складнями и крестами. Здесь теплилась всегда «неугасимая». В особой укладке, прикрепленной к стене, хранились часовник и псалтырь, свечи и ладан. За этим блюла сама Амфея Парфеновна. Несколько шкафов с посудой, письменный стол у внутренней стены, старинные большие часы на стене, канарейка в клетке, несколько гераней на окнах – вот и все. Дошатай перегородкой, тоже выкрашенной кубовой синей краской, задняя изба делилась на две горницы, и во второй была устроена спальня, с широкою двуспальной кроватью, перинами, горой подушек, комодами и гардеробом. Когда дети были маленькие, здесь была детская, но дети давно выросли, были пристроены, и старики жили в доме только вдвоем. Собственно говоря, Амфея Парфеновна мало жила в горницах, а при посторонних и совсем не показывалась, – у нее была наверху своя светлица, где все было устроено по ее вкусу. В светлицу сам Федот Якимыч ходил только по спросу, когда Амфея Парфеновна позволит. В горницах была вся воля Федота Якимыча, а в светлице царил одна Амфея Парфеновна.

Светлица походила на моленную. Одна стена была) сплошь уставлена образами, и Амфея Парфеновна сама здесь «говорила кануны» далеко за полночь. Единственной свидетельницей этого домашнего благочестия была немужка Пелагея да разные «странные люди», проникавшие в господский дом никому неизвестными путями и так же исчезающие. В своей светлице Амфея Парфеновна была строга и недоступна, так что ее побаивался и сам Федот Якимыч, покрикивавший на жену у себя в горницах.

– Чаепиец ты и табашник! – карала мужа Амфея Парфеновна, входя в свою роль главы дома. – В смоле будешь кипеть потом.

– Ох, буду... – соглашался Федот Якимыч, сокрушенно вздыхая. – Ослабел, Амфея Парфеновна.

Горницы и светлица, таким образом, представляли два различных мира, соприкасавшихся между собой опять-таки ради житейской нужды и слабости. Старики жили по старой вере, хотя Федот Якимыч уже давно «обмирщился». В этом заключалось большое преимущество Амфеи Парфеновны, неукоснительно соблюдавшей древлеотеческие предания. Она в своем раскольничьем мире являлась столпом и крепким оплотом гонимой старой веры и вела обширные сношения с своими единомышленниками. Общественное положение Федота Якимыча как главного управляющего Землянскими заводами заставляло делать постоянные уступки «никонианской злобе», и он как будто всегда чувствовал себя немного виноватым перед женой. Мало ли где ему приходилось бывать самому, а еще больше того принимать в своих горницах никониан: и горный исправник, и протопоп, и разные судейские чины, властодержавцы, начальники и просто нужные люди. В качестве блюстительницы древлего благочестия Амфея Парфеновна держала свое имя грозно, и Федот Якимыч в сущности боялся ее, несмотря на свои окрики и грубые выходки. Это последнее чувство выросло с годами совершенно незаметно, так что и сам крутой старик не давал себе в нем отчета. С другой стороны, Амфея Парфеновна приобрела большое и решающее влияние в своем старообрядческом мире, так что в важных делах к ней шли за негласным благословением, когда нужно было склонить на свою сторону какого-нибудь нужного милостивца, утишить загоревшуюся никонианскую ярость или устранить вредного человека. Старуха умела сделать все это незаметно и просто, оставаясь в тени. Конечно, успеху дела много содействовало общественное положение жены главного управляющего.

Федот Якимыч был то, что называют самородком. Он вышел в люди исключительно благодаря собственному уму, сметке и чисто крепостной энергии. Заводское добро, заводские интересы и польза стояли для него выше всего на свете, и он являлся неподкупным и верным рабом. Заводовладельцы никогда не заглядывали на свои заводы, проживая то в Италии, то

в Париже, и для них такой управляющий, как Федот Якимыч, был кладом. Он уже два раза должен был совершить длинное заграничное путешествие, чтобы повидаться с владыками, – первый раз в Париж, а второй в Неаполь. Эти путешествия оставили после себя известное впечатление. Старик заметно «отшатился» от закоснелого строя своей раскольничьей жизни, по крайней мере душой, хотя и старался этого не показывать. Знала об этой измене одна Амфeya Парфеновна и горько скорбела, а затем постаралась извлечь из этого свою, бабью, пользу. Так было и теперь. С заграничными Федот Якимыч устроил тяжелую комедию, чтобы показать, с одной стороны, свою темную крепостную силу, а с другой – чтобы не выдать себя: втайне он сочувствовал заграничным людям. Это было раздвоенное чувство: с одной стороны, старик отлично понимал великую силу образования, а с другой – ему делалось совестно за собственное крепостное невежество, точно приехавшие молодые люди являлись для него упреком. Он целый день был не в духе и грозой прошел по всем фабрикам, грозой съездил на Медный рудник, грозой явился в громадной конторе, где, не разгибая спины, работали сотни крепостных служащих. Все время из головы Федота Якимыча не выходили эти заграничные, а главным образом – гордец Никашка.

– Ах, и покажу я ему!.. – как-то стонал старик, припоминая картину нанесенного оскорбления. – Колкериного-то жару как раз убавит...

Дома Федот Якимыч ходил туча тучей, так что немужка Пелагея в своей кухне только хмурила брови, что означало, что там, наверху, – гроза. Кучер Антон, горничная девка Дашка, коморник Спиридон, стряпка Лукерья – все боялись дохнуть. Боже упаси попасть теперь на глаза самой или самому. Больше всего опасность грозила, конечно, девке Дашке, которой приходилось прислуживать в горницах. Это было безответное существо, преисполненное покорного страха и рабьей угодливости. «Хоть бы гости какие навернулись, все бы легче», – соображала девка Дашка, но как на грех и гостей не случилось. То же самое думал и казак Мишка, трепетавший за свою неприкосновенность. Единственная надежда оставалась на ужин в господском доме, – когда не было гостей, ужинали рано, и таким ранним ужином и закончился бы этот тревожный для всех день. Амфeya Парфеновна затворилась бы наверху в своей светлице, а Федот Якимыч шагал бы в парадных горницах, разглаживая бороду и вполголоса напевая стихирю: «Твоя победительная десница...»

Накрывая стол к ужину, казак Мишка и девка Дашка боялись последней беды: а ну, как Амфeya Парфеновна не спустятся в горницы из своей светлицы? Бывали и такие случаи... Но все разыгралось совершенно неожиданно. Амфeya Парфеновна спустилась из светлицы как ни в чем не бывало, села за стол и даже сама налила рюмку анисовки, которую Федот Якимыч выпивал на сон грядущий. Впрочем, за щами не было сказано ни одного слова. Щи были горячие, как любил Федот Якимыч.

– Сказывают, мудреная немка-то у Левонида, – заговорила первой Амфeya Парфеновна, нарушая гробовое молчание.

– Ну?

– Дома, слышь, и в люди ходит простоволосая...

– Н-но?

– По-русски ни слова...

– Ах, волк ее заешь!.. Так Левонид-то как же?

– По-ихнему тоже лопочет... Смех один, сказывают. Приданого немка вывезла тоже раздва, да и обчелся: платьишек штук пять, французское пальто, шляпку с лентами... Только она простая, немка-то, и из себя ничего, кабы ходила не простоволосая.

Молчание. Федот Якимыч хрустает прошлогоднюю соленую капусту – любимое его кушанье – и время от времени сбоку поглядывает на жену. Он чувствует себя немного виноватым: погорячился и обругал жену ни за что.

– Так простоволосая? – спрашивает он и улыбается в бороду. – Ах, чучело гороховое!

– Ничего не чучело: она по своей вере и одевается, как там у них, в немцах, бабам полагается. Мы по-своему, а они по-своему... Только оно со стороны-то все-таки смешно.

– Никашка – гордец, а Левонид как будто ничего, – в раздумье говорит Федот Якимыч. – Левонид поочестливее будет...

– А што говорят другие-то про них?

– Да разное... Уехали свои, а приехали чужие, – што тут разговаривать? Видно будет потом.

Опять молчание. Федот Якимыч сосредоточенно хлебал деревянной ложкой молоко из деревянной чашки. Дома старики живут совсем просто и едят деревянными ложками. Для гостей есть и дорогая фаянсовая посуда, и столовое серебро, и салфетки, а без гостей зачем стеснять себя?

– Больно охота мне поглядеть эту самую немку, – неожиданно заявляет Амфея Парфеновна, когда ужин уже кончается. – Не видала я их сроду, какие они такие есть на белом свете...

– Такие же, как и все бабы: костяные да жиленые, – шуточно отвечает Федот Якимыч.

– Ты-то видал, а я нет...

После ужина в светлице шло вечернее богослужение: Амфея Парфеновна читала «канун», а Федот Якимыч откладывал поклоны по ременной лестовке. Немушка Пелагея всегда присутствовала при этой молитве и повторяла каждое движение Амфеи Парфеновны. Она же потом провожала свою «владыку» в спальню и укладывала в постель, – Федот Якимыч приходил потом. Лежа в постели, Амфея Парфеновна все о чем-то думала, а когда пришел Федот Якимыч, она сонным голосом проговорила:

– Ужо как-нибудь в гости немку позову.

– Тоже и придумала! – изумился старик.

– А ежели я не видала?

III

Мысль о немке засела в голове Амфеи Парфеновны гвоздем. Сначала Федот Якимыч посмеялся над этой затеей, а потом нахмурился. Легко сказать, зазвать немку в гости, да еще вместе с мужем, потому что хотя она и немка, а все-таки как ее одну-то в чужой дом привести?

– Не ладно ты удумала, Феюшка, – уговаривал старик жену. – Надо и Левонида звать.

– Што из того, и Левонида позовем. Тебе-то какая причина от того? Уехал на фабрику и все тут... Сына Гришу со снохой позову, а может, и Наташа к тому времени подъедет. Управимся и без тебя...

– Как знаешь, только оно тово... то есть мне-то низко будет Левонида угощать.

– И не угощай, без тебя обойдемся. Уехал бы куда-нибудь на заводы – только и всего.

Осуществление этой мысли заняло весь дом, причем немущка Пелагея даже мычала от удовольствия: пусть матушка Амфея Парфеновна потешит свою душеньку. А хлопоты не велики: всего-то званый обед приготовить. С оказией была послана весточка Григорию Федотычу, который служил управителем в Новом заводе, и дочери Наташе, выданной замуж за купца Недошивина у себя, в Землянском заводе. Стряпка Лукерья, горничная девка Дашка и казак Мишка тоже волновались в ожидании готовившейся комедии, когда в господский дом привезут настоящую немку. То-то будет потеха... Немущка Пелагея уже забегала послом к Гордеевым и только закрывала рот рукой, когда ее спрашивали про немку. Из ее мычания и жестов все понимали только одно, что немка такая же немая, как Пелагея, и это всех смешило.

В назначенный день приехал сам Григорий Федотыч с женой Татьяной. Это был серьезный молодой человек лет тридцати, с окладистой русой бородой и скуластым лицом; он походил на мать. Сноха Татьяна была городская и ходила в платьях и в шляпках, и Амфея Парфеновна за глаза величала ее модницей. Явилась и дочь Наташа, любимое и балованное детище. В угоду матери она в родительский дом приходила в шелковом сарафане и в платочке на голове. Бойкая и речистая, эта Наташа в своем купеческом быту пользовалась репутацией удалой бабенки, которой пальца в рот не клади. Муж ей попался простой, притом он «зашибал водкой», и Наташа жила своей вольной волюшкой. Молода была, красива, а грех не по лесу ходит. Впрочем, молва о Наташиных грехах не доходила до господского дома, и Амфея Парфеновна души не чаяла в дочке.

– Чтой-то, мамынька, вы и придумали, – говорила Наташа, шелкая орехи. – Наслышались мы про немку чудес... Ни встать, ни сесть не умеет, а с мужчинами, как с своим братом, так с рукой и лезет. В том роде, как не совсем она умом, мамынька. Проста уж очень...

– Просто оказать, дура, – коротко отрезал Григорий Федотыч. – А промежду прочим, мамынька, ваша полная воля...

– Уж мне от отца досталось за эту самую немку, – объясняла Амфея Парфеновна. – Пожалуй, и то, што не ладно я затеяла. Хотела и себя и вас потешить.

– Ничего тут худого нет, мамынька, – успокаивала Наташа, – не съест она нас... Посмеемся, и только.

Гордеевы были приглашены вечерком, как настоящие гости. Федот Якимыч нарочно уехал в заводууправление, чтобы не встречаться с ними. Амфея Парфеновна заперлась в светлице, а принимать дорогих гостей оставила Наташу. Григорий Федотыч с женой остались в парадных горницах.

– Чтой-то, как они долго, – повторяла Наташа, перебегая от окна к окну. – Вечер на дворе...

– По-заграничному, – язвил Григорий Федотыч. – Нашли важное кушанье... Конечно, я не подвержен к тому, штобы перечить мамыньке, а Левонида Гордеева помню даже весьма превосходно. Мальчишками вместе, бывало, в бабки играли... Сиротами они росли, Горде-

евы-то, ну, недостатков нет, а в другой раз дома и куска нет. Бывало, украду у мамыньки кусок да Левониду и отдам: на, ешь.

– Мало ли, братец, что бывает, – уклончиво отвечала Наташа, – прежде есть нечего было Гордеевым, а теперь они ученые... Тятенька-то вон как взбуривает на них. А почему? Боится, что сядут ему на шею... Вот послужит, послужит тот же Никон, да главным управляющим на тятенькино место и сядет. Умница Никон-то, сказывают...

– Пока особенного ума еще не оказал, сестрица, окромя дерзости... Только все это не нашего с тобой ума дело. Родитель получше нас знает...

Гости приехали только в сумерки, часов около девяти, когда немужка стала зажигать сальные свечи в горницах. Наташа встретила их в передней.

– Мамынька сейчас выйдет, – объясняла она, нарочно обращаясь к непонимавшей ничего немке. – Пожалуйте...

Когда немка сняла свое французское пальто, Наташа так и ахнула: она была в каком-то детском кисейном платье, с голубою широкою лентою вместо пояса. Руки выше локтя были голые. Белокурые волнистые волосы были подвязаны такою же голубенькою ленточкой, и только. Всего больше изумило Наташу короткое платье. «Вот бесстыдница!» – невольно подумала Наташа, целуясь с гостьей. Сам Гордеев заметно смущался и отвечал за жену. Он, правда, заметно повеселел, когда увидел Григория Федотыча и узнал его.

– Милости просим, – пригласила Наташа, усаживая немку на диван. – Мамынька сейчас выйдет...

Немка осматривала своими большими серыми глазами парадные горницы с каким-то детским любопытством, потом переводила глаза на мужа и улыбалась. У ней было такое красивое и нежное лицо, с тонким профилем и алыми губками. Когда она улыбалась, два ряда белых зубов так и сверкали. Небольшого роста, стройная, гибкая, подвижная, она казалась красавицей. Когда немужка Пелагея подала чай, немка осмотрела чашки, сахарницу, поднос и опять засмеялась.

– Какая она у вас веселая, Левонид Зотыч, – заметила Наташа.

– Амалия совсем ребенок, – уклончиво ответил Гордеев и что-то сказал жене по-немецки.

Она засмеялась уже совсем весело, бросилась Наташе на шею и расцеловала ее прямо в губы. Григорий Федотыч все время молчал и все посматривал на дверь, в которую должна была войти мать. Амфея Парфеновна появилась настоящей королевой. Девка Дашка забежала вперед, чтоб отворить дверь, и старуха вошла с медленною важностью. Она была в тяжелом парчовом сарафане и в жемчужной сороке. Немка быстро поднялась с места и сделала реверанс. Это окончательно рассмешило всех, а Наташа так и прыснула.

– Здравствуй, милашка... – ласково заговорила Амфея Парфеновна и поцеловала гостью плотно сжатыми губами. – Садись, так гостя будешь.

– Жена очень рада познакомиться с вами, Амфея Парфеновна, – ответил за жену Гордеев. – К сожалению, она пока еще не умеет говорить по-русски...

– Ничего, пусть говорит по-своему, по-немецкому, – милостиво заметила старуха, оглядывая выставявшиеся из-под платья немкины ноги. – Как ее звать-то у тебя, Левонид?

– Амалия Карловна.

– Так... Мне-то и не выговорить сразу. Славная бабочка, хоть немка...

Немку больше всего заинтересовал сарафан хозяйки, и она долго его рассматривала, разглаживая белую пухлую ручкою тяжелую старинную материю и золотой позумент. Эта наивность и доверчивая простота очень понравилась старухе.

– Жена уж начинает учиться по-русски, – объяснял Гордеев.

– Чи!.. – весело заговорила немка и засмеялась.

– Она хочет сказать: «щи», – опять объяснил Гордеев.

– Чи... чи! – лепетала немка.

Все весело засмеялись, и сама Амфея Парфеновна тоже. Очень забавна эта немка: и простоволосая и ноги чуть не до колен выставляет. Когда подали закуску, она, не дожидаясь приглашения, первая подошла к столу и сама налила себе рюмку вина. Гордеев что-то сказал ей, но Амфея Парфеновна заметила ему:

– Оставь ее, Левонид... наших порядков она не знает. Я и сама с ней пригублю рюмочку... Гриша, а ты что же?

Мужчины выпили водки и закусили балыком. Григорий Федотыч сразу отмяк и стал спрашивать Гордеева, где он учился, как живут немцы и что они думают делать. Давешней неловкости как не бывало, особенно когда выпили по второй. Амфея Парфеновна увела гостью в заднюю половину, чтобы там осмотреть ее на свободе. Наташа и сноха Татьяна пошли за ними. Особенно развеселилась Наташа и все приставала к немке, чтобы та сказала: «чи». Смеялась и немушка Пелагея, девка Дашка и сама немка.

– Ей только с нашей Пелагеей разговаривать, – говорила Амфея Парфеновна, бесцеремонно оглядывая гостью с ног до головы. – Зачем ты, милушка, ручки-то оголила? Нехорошо это при посторонних мужчинах, да и платье-то подлиннее бы сделать...

В задней половине последовало новое угощение: варенье, орехи, пряники, конфеты. Но немку занимала больше всего обстановка комнат, и она по-ребячьи осмотрела каждый уголок. Заметив двуспальную кровать, она кокетливо покачала головой.

– У них, мамынька, мужа и жены в разных комнатах спят, – объяснила Наташа. – Все равно как чужие люди... Вот ей и удивительно.

– А славная бабочка... – повторяла Амфея Парфеновна. – Хоть куда... А ежели бы ее нарядить в сарафан, да косу заплести, да кокошник – лучше не надо.

Гордеев и Григорий Федотыч пристроились к закуске и вели оживленную беседу.

– Тяжело вам будет здесь, – говорил Григорий Федотыч. – Главное, что непривычное ваше дело, а у нас на все свои порядки...

– Привыкнем помаленьку... Только вот Федот Якимыч как-то странно отнесся к нам. Я совсем не понимаю, на что он рассердился тогда на нас с братом...

За этими разговорами молодые люди совсем не заметили, как вошел сам Федот Якимыч. Он остановился в дверях и подозрительно оглядел комнату. Первым заметил его Григорий Федотыч и почтительно вскочил.

– Здравствуйте, тятенька.

– Здравствуй.

Гордеев поклонился издали и ждал. Грозный старик отдал картуз казаку Мишке, еще раз оглядел свои горницы и проговорил ласково:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.